

С. А. СОКОЛОВ-КРЕЧЕТОВ

Приживальщики революции

Нелегка эмигрантская жизнь. Весь мир устал от войны и спешит перейти к упорной строительной работе, чтобы исправить тот огромный вред, который причинили военные годы. Обратная перестройка всего механизма жизни государства с военного на мирный лад вызывает множество неустройств и неудобств переходного времени. Здесь всякому прежде всего до себя, и совершенного понятно, что заграничной жизни трудно впитать в себя и дать разумное применение сил тем миллионам русских эмигрантов, которые оказались вне родины в результате великого «исхода» значительной части русского народа, которая порвала с разбойной советской властью.

Среди эмигрантской массы, как и среди любой массы, есть всякие люди. И если в огромном большинстве она остается непоколебимо верной русскому национальному знамени, при всех спорах отдельных политических групп и их вождей, то меньшинство ее представляет пеструю картину безразличия, малодушия и морального упадка.

Этому, в общем, не приходится удивляться: люди везде люди и кроме активных и стойких борцов, не желающих гнуться, в эмиграцию уходили и те, что в период острой борьбы благополучно скрылись за их спинами, и те, что удрали за границу заблаговременно с карманами, набитыми валютой, при первом ветре революционной бури, и, наконец, те, которые были лишь типичными «беженцами», только и умевшими бежать со страху, куда глаза глядят.

Весьма понятно, что длящиеся годы большевицкого засилья над Россией, вместе с голодом, безработицей и лишениями эмигрантской жизни, вызвали в русском меньшинстве за границей малодушно-соглашательские течения.

Одних прельщает возможность начать спекулятивную торговлю с советами и продолжать то дело, которое они делали и раньше, при всех поворотах Европейской и гражданской войны. «Наше дело торговое, — говорят они, — и большевицкое золото не пахнет. Что поделаешь, когда большевизм не проходит».

Других, павших духом от лишений и потерявших веру в освобождение России, манит возможность вернуться на родину, увидеть близких и есть согну спину, рядом с ними хоть и черствый кусок хлеба под родным небом. Эти неуверенным голосом пытаются убедить себя и других, что большевики «подобрили» и, если подчиниться им и сидеть смиренно и покорно, то можно прожить и у них.

Презрение первым! Бог судья вторым!

Нельзя ждать от людей, чтобы все были героями, и слабые всегда и везде действуют, как подобает слабым.

Но о них все же можно сказать, что все они держатся конфузливо, с оглядкой, не выставляясь и не размахивая руками, словно понимая, что приступают к нехорошему делу.

Но есть и такие соглашатели, которым это не просится никогда.

Это те, которые убоялись суровой и трудной борьбы за эмигрантский кусок хлеба и не только решили смириться перед советской властью сами, но еще, продав душу за красные деньги, проповедуют за границей открыто ее признание, пытаясь соблазнить других и внести разложение в ряды русской эмиграции.

Все эти спекулянты духа группируются вокруг сборника «Смена Вех» и издаваемой на советские деньги в Берлине ежедневной газеты «Накануне».

Начала это темное дело своим выступлением в сборнике «Смена Вех» группа малоизвестных лиц во главе с профессорами Ключниковым и Устряловым, но душой и организатором явился главным образом Ключников.

Этот профессор, ничтожный и незаметный в мире науки, приобрел некоторую известность лишь тем, что был министром Иностранных Дел в Правительстве Адмирала Колчака, — один из печальных фактов, так нередких в сумбурных условиях гражданской войны. Как мало он был полезен на своем посту, хорошо помнят все, прикосновенные к бывшему Сибирскому Правительству и знающие, что инертная беспомощность в ведении международных сношений была одной из главных причин трагической гибели Колчака. Года полтора назад господин Ключников явился в Париж и там обивал пороги Бурцевского «Общего Дела» с своими семипудовыми резко антибольшевицкими статьями. Увы! — Они были слишком бездарны,

чтобы их можно было много напечатать. Да к тому же и Бурцевская касса была в состоянии хронического обмеления, и у него можно было писать больше для души, отложив мысль о хорошем заработке.

Тогда в господине Ключникове началась «эволюция». Он перемигнулся с парижским негласным большевицким «торговым» представителем Скобелевым¹, бывшим министром кабинета Керенского и позднее министром независимой Грузии. Оба предателя — опытный и начинающий, поняли друг друга с полуслова. И вот выходит 1-й сборник «Смена Вех», зовущий к признанию Советской власти и к работе с нею, а затем его организатор Ключников, вчерашний эмигрант со свистом в кармане, гордо является к владельцу типографии, заарендованной газетой Бурцева, и предлагает пересдать типографию ему под газету направления «Смены Вех» за тройную цену, с уплатой сверх того неустойки за расторжение договора с Бурцевым. Дело с типографией, однако не выгорело, да и французский воздух показался Ключникову не так уж благоприятным для его целей. В результате он переправился в Берлин и начал там на советские деньги ежедневную газету «Накануне», издаваемую под редакцией его и некоего Кирдецова, нахального и развязного журналиста, в свое время кормившегося около Генерала Юденича и Северо-Западного Правительства, а впоследствии, когда ему перестали платить, облившего помоями дело, которому он служил, в своей книге «У врат Петрограда»².

За первыми «перелетами» быстро последовали и другие. Тут и генерал Носков, тщетно предлагавший свои услуги Врангелю и, наконец, нашедший себе подходящих хозяев в Берлине. Тут и беспринципный журналист Василевский (не-Буква), привыкший строчить грязные пасквили в грошовых понедельничных листках. Тут и Роман Гуль, дезертир из Добрармии, излаивший ее, как водится, в своей книге «Ледяной Поход». Лиха беда начать! И теперь вокруг «Накануне» и «Смены Вех» объединилась довольно многочисленная теплая компания падких на темные деньги второразрядных журналистов, готовых за хорошую плату перевозносить кого угодно и что угодно. Среди них можно отметить бойкого журналиста Ветлугина, служившего в Отделе Пропаганды Добровольческой Армии и после в Крыму у Врангеля и, как свойственно всем продажным душам, усиленно клеветавшего на Добровольческую и Крымскую Армии и их вождей в своих двух пасквильных книгах «От Орла до Новороссийска» и «Конец Белых»³. Впрочем, до их издания он старательно печатался в «Общем Деле», откуда перекатился в Миллюковские «Последние Новости» и, наконец, в «Накануне».

В том же «Накануне» нашел себе тихое и, надеемся, последнее практическое пристанище и профессор Чахотин, первый недолгий

управляющий Отделом Пропаганды Добрармии, откуда он был уволен после несколько недельного опыта за анекдотически круглую бездарность, о которой до сих пор еще ходят рассказы. Это — полнейший маньяк, который помешался на американской системе Тейлора⁴ и, в условиях гражданской войны, заставил всех служащих в центре Отдела носить на груди какие-то билетки разных цветов под номерами, сноситься друг с другом из комнаты в комнату не иначе, как письменно, получать за каждый день, в зависимости от выполненной работы тоже какие-то билетки разных цветов, завел по этим билетикам какую-то необычайно сложную статистику и довел до того, что всем стало казаться, что они находятся в сумасшедшем доме⁵. Свой пропагандный «опыт» он тоже принес большевикам, которые принципиально не прочь платить хорошие деньги за удовольствие иметь у себя в лакеях бывших «белогвардейских сановников», хотя бы и из бракованных.

Вся эта компания сделала ценное приобретение. Удалось купить по случаю известного писателя графа Алексея Николаевича Толстого.

Этому стоит уделить особое внимание, так как среди всей этой бездарной шушеры он единственный подлинный талант.

Беллетристические писания А. Толстого знает всякий, и русскому читателю хорошо известен его неиссякаемый дар художественной выдумки, сочность и жизненность его образов и его богатый, красочный и выпуклый язык.

Правда, еще покойный Л. Андреев⁶ очень метко назвал его «глупым талантом», за то, что изображаемых им фигур никогда не умел он двести до законченной цельности художественного образа, «превратить в перл создания», как учил Гоголь, и его романы всегда смахивали на анекдот, хотя и очень занятный. Но все же его талант есть бесспорный талант.

Как же дошел А. Толстой, художник помещичьего оскудения, кутящих дворянских недорослей и поэзии умирающих старых усадеб, до жизни такой?

Очень просто!

Талант одно, а совесть — другое, и, увы, они не всегда живут вместе.

В литературных кругах еще при старом строе всегда хорошо знали, что А. Толстой — человек совершенно беспринципный, человек с «утробной моралью», как его кто-то очень точно определил, но мирились с этим из-за его таланта.

Грянула Великая Война. А. Толстой мигом заделался военным корреспондентом и в хорошо оплаченных газетных строках метал

патриотические громы и молнии, разъезжая по тылам фронта то в комфортабельных вагонах Красного Креста, то в отличном автомобиле. К боевой линии ближе расположения корпусных штабов он подъезжать не любил, что, впрочем, не мешало ему эффектно расписывать горы трупов и рвущиеся шрапнели. От более близкого участия в войне его спасал белый билет о полной непригодности к военной службе по малокровию и слабости легких, которым этот здоровенный детина в косую сажень в плечах предусмотрительно запасся в одном из уездных воинских присутствий, где в качестве председателя и членов заседали его дядюшки (этим А. Толстой *до войны* хвастался совершенно открыто).

Когда за фронтом кататься надоело, а кстати пошли разговоры с пересвидетельствованием белобилетников, вместе с Чуковским и еще кем-то А. Толстой поехал в составе делегации от русской прессы за границу, был в Англии, во Франции, раскатывал там все так же в роскошных вагонах и автомобилях, что-то осматривал, кого-то приветствовал и призывал к борьбе до победного конца, фигурируя на банкетах и представляя русскую прессу без знания хотя бы единого иностранного языка.

Талантливому недорослю все сходило, — во-первых — колоритная внешность, во-вторых — умеет пить, в-третьих — писатель и граф Толстой, эта фамилия магически действует на иностранцев.

Ко времени революции А. Толстой уже был в России. Искусство со всеми дружить, со всеми пить и со всеми быть на ты весьма облегчало лавирование между всякими бурными течениями. Однако ж большевики пришлось ему решительно не по вкусу, и после октябрьского переворота граф А. Толстой очутился в Гетманской Украине, а после в Добровольческой Одессе, где заявлял себя крайним монархистом и говорил о погибшем «Царе Батюшке» не иначе, как со слезой и бия себя в грудь руками.

Впрочем, верный своей природе убежденного уклоненца, фронта он боялся, как огня, и предпочитал, в виду трудности литературных заработков, добывать себе безбедное существование, служа наемным директором в одном из Одесских игорных притонов, где ему хорошо платили за его имя.

Из Одессы благополучно удрал в Париж, сперва печатался в «Общем деле», потом, когда там не стало денег, сразу полевел, стал поругивать «белогвардейские авантюры» (после падения Крыма!) и задружил с богатыми банкирами эсеровского толка, около которых благополучно околачивался добрых два года, увеселяя общество, рассказывая анекдоты и занимая деньги. Попутно успел выудить у них же сотню-другую тысяч франков на издание под его редакцией журнала

«Грядущая Россия»⁷, где он был и редактором и главным сотрудником. Съев эти деньги без отчета и выцедив все, что можно, из издательства Земгора «Русская Земля»⁸, стал задумчиво оглядываться по сторонам. Пробовал писать в Милюковских «Последних новостях» — платят, но мало. А жить он привык широко, притом эсерские банкиры, несмотря ни на какие анекдоты, денег больше займы решительно не дают.

Оглянулся, поразмыслил и хватил в Берлин! На ловца и зверь бежит! Где тут покупают русскую совесть? Сюда пожалуйте! У вас товар, у нас купец.

И вот граф А. Толстой в «Накануне». Опять есть, на что кутить в ресторанах и пить шампанское, а позабавить Красина и чекистов анекдотами можно не хуже, чем эсерских банкиров за ужинами у парижских меценатов Цейтлиных⁹.

А. Толстой — парень хитрый и уж, конечно, думает про себя: «Ладно, пока можно, покормимся, а слетят большевики, сваялю дурака, скажу: я, мол, в политике ничего не понимаю. Поплачу, покаюсь, сделаю глупую рожу, простят. Шаляпин же и Царю в ноги кланялся, и Ленину кланяется, а ничего, сходит». Станем надеяться, что на сей раз в будущем не сойдет, и этот последний анекдот для прежнего монархиста, после кадета, после эсера, а ныне большевицкого лакея графа Алексея Толстого будет воистину скверный анекдот.

Впрочем, продажа таланта с публичного торга, в себе самой уже несет наказание.

Расплата уже начинается, и вещи, написанные Толстым в «Накануне» в угоду своим новым хозяевам, вроде рассказа из быта Русской Армии на Галлиполи¹⁰, с гнусной клеветой на русское офицерство, поражают своим тусклым убожеством. И это особенно бьет в глаза рядом с помещаемыми там же страницами из его прежних, небольшевицких рассказов. Можно купить рукопись, но нельзя купить вдохновение. Большевикам было бы проще перепечатывать в своей газете даром отрывки из «Войны и Мира» покойного великого Толстого, чем платить втридорога живому, но малому.

За последнее время поговаривают, что Толстой надул и большевиков и, забрав крупные авансы, собирается уйти из их газеты. Заметим, что, если это даже и так, то это несколько не делает более чистым его нравственного облика.

Вот пока главные козыри той честной компании, с помощью которой большевики стараются разложить русскую эмиграцию и заглушить ее негодующий голос.

Конечно, под всю деятельность сменовеховцев и веселых ребят из «Накануне» подводится приличная случаю идеология. К боль-

шевикам-де надо идти не потому, что они коммунисты, а потому, что они велением Судьбы выполняют исторические русские национальные задачи и, стремясь захватить отторгнутые окраины, снова воссоздают Великую Единую Неделимую Россию, то есть действуют, как национальная народная власть, хотя бы и под интернациональным флагом.

Здесь, в эмиграции, этой лживой маской красного национализма и красного империализма никого не обманешь, кроме тех, кто хотят быть обманутыми, да немногих людей с вывихнутыми мозгами, безнадежно запутавшихся среди всяких «измов».

Не обманут, мы верим, эти продажные выкрики и честных людей в России. Им виднее, чем кому-нибудь, что правящий Россией Интернационал не потому стремится расширить русские границы, что хочет создать Великую Россию, но только потому же, почему саранча, сожрав до голой земли одну ниву, стремится переползти на другую. Им виднее, чем кому-нибудь, что для Ленина с его товарищами наплевать с высокого дерева на Россию, ибо для них она — только место для подготовки мировой революции, а в ожидании ее — кляча для ветеринарных опытов.

Но есть другая опасность, что в России, куда не проникает свободная русская печать, но проникает «Накануне», могут счесть разглагольствования этой ничтожной кучки наемных людей за голос большинства русской эмиграции и, так подумав, пасть духом.

Ко всем русским людям мы взываем: не верьте продажным душам, не верьте предателям, какие бы песни они не пели.

Здесь всеобщее презрение окружает их имена. Еще бьется за границей русское сердце, еще жива и не меркнет подлинная русская мысль.

Имена же отравителей русской души запомните, чтобы отвергнуть их в светлый день воскресения России, которой, несмотря ни на что, придет.

Когда-то Маколей¹¹, знаменитый английский историк, сказал о писателях, продававших свой талант для восхваления деспотов: «Если б Чума могла платить жалованье, а Проказа раздавать награды, то всегда нашлись бы люди настолько бесчестные, чтобы прославлять первую, и настолько бессовестные, чтоб умиляться второй».

Эти мудрые слова применимы целиком к теперешним русским восхвалителям Красной Чумы.

Их презирают даже те, кто их покупают. Недаром кто-то из большевических главарей метко назвал их «приживальщиками революции».

Да будет им вечный позор!

Можно торговать совестью в розницу, но не людям, продавшим ее, не приживальщикам революции клясться святым именем России.